
СТАТЬИ

О.Н. Трубачев

ПРАСЛАВЯНСКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕКСИКА ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

1. Нижеследующие заметки носят характер **предварительных тезисов** и содержат некоторые общие соображения, подкрепляемые конкретными примерами, без претензий на полноту. Это, скорее, подходы к структуре соответствующей главы в более крупной работе по русской исторической лексикологии, чем сама структура. Разумеется, что-то из предлагаемого мной можно было бы использовать и при непосредственной работе над главой о праславянском наследии. И все же сейчас кажется важнее обратить особое внимание на трудности раскладки “по полочкам”, порой превышающие саму надобность подобной раскладки. Поэтому уместно говорить о широте, о необходимости широкого (не узкопрофессионального) подхода. Меня поддерживает надежда, что только на этом пути можно обрести новизну и свежесть взгляда, которых иные скептики, похоже, уже не ждут от русской исторической лексикологии.

В самом деле, существуют привычные антитезы, и я могу понять людей, неплохих работников, которые работают в привычном русле и не очень склонны усложнять себе свою научную жизнь. Но, с другой стороны, опыт этой самой жизни и работы порой взвывает взломать блокаду условностей, ибо все границы и противопоставления условны. Это в полной мере относится к тем, с которыми работаем и будем работать мы. Позвольте перечислить. **Историческое – описательное** (корректное описание порой содержит больше **истории**, чем “исторический очерк” с примерами разной датировки, очень часто статичными или эволюционно далеко не полными). Далее, **лексикология и лексикография** (их практическое противопоставление искусственно, в сущности перед обеими стоит цель корректного описания значений, все остальное – детали). Противопоставление **исторической лексикологии и этимологии** в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием). Также в немалой степени искусственно противопоставлять **историческую лексикологию и историческое словообразование** как разные дисциплины (каждый, кто серьезно занимается одним, обязательно занимается и другим). То, что противопоставление **литературного и диалектного** в

исторической лексикологии во многом снимается, думаю, понятно (хотя на практике – далеко не всегда, причем ряд слов диалектных, иногда – жаргонных, просторечных рискует пропасть из поля зрения исследования). Здесь уместно вспомнить и противопоставление **дописьменное – письменное**, вспомнить с тем, чтобы попытаться смягчить его остроту, безусловную в глазах специалистов по исторической лексикологии. Постулат единой и непрерывной истории языка и слова для нас все же важнее. Дальше нам еще придется возвращаться также к этой условности. Определенная толерантность в том, что касается перечисленных далеко не абсолютных понятий и терминов, думается, сделает нас восприимчивее к опыту других дисциплин и вообще ко всему тому, что зовется интердисциплинарным обменом.

2. Проблема адекватности описания значения, включая риск, вызванный неудачной записью значения слова, занимает меня давно. Вот первый пример, когда дефектность описания, неполное знание лексического гнезда приводят к тому, что и лексиколог, и лексикограф теряют слово, кстати сказать, слово живое и притом – в условиях современной богатейшей письменности: *косуля*, название малого оленя. В словаре Даля нет *косуля*, есть *козуля*, явный плод ложной этимологии (или – неверной записи?) в связи с *коза*, с которым наше *косуля* как раз не связано, оно родственно глаголу *чесать*, что применительно к малому оленю значило ‘счесывать (сбрасывать) рога’ (4-томный словарь дает *косуля* ... см. *козуля*). Этой лексикографической лакуны не избежал и Этимологический словарь Фасмера, в нем отсутствуют и *косуля*, и *козуля*, и наш Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ), и только в дополнениях и исправлениях ко 2-му изданию Фасмера (Фасмер² III, 830) я смог исправить свою ошибку, о чем и сообщаю также сейчас, поскольку речь идет о старом, по-видимому, еще праславянском слове, входящем в словарный состав также современного русского языка, но в силу ряда негативных обстоятельств крайне скучно засвидетельствованном (СлРЯ XI–XVII вв. (7, 376) отмечает тоже только омонимичное *косуля* ‘вид сохи’).

3. Говоря о праславянском периоде, условимся не поддаваться смешению двух терминов – “prasлавянский”, относящийся к соответствующей эпохе, и “общеславянский”, относящийся к распространению во всех славянских языках, несмотря на словоупотребление влиятельной книги А. Мейе “Общеславянский язык” и аналогичный англо-американский термин. Следует иметь в виду, далее, что праславянский период отнюдь не поддается четкому выделению, и с прогрессом науки (признание изначальной сложности языка) дело оборачивается даже труднее. Собственно, удручать это не должно, потому что все опыты историколингвистической периодизации имеют, к сожалению, по большей части не языковую, а общественно-историческую, хронологическую основу. Здесь уместно повторить, что язык непрерывен, и почти с тем же успехом мы могли бы принять, что праславянский период никогда не кончался, ибо диалекты существовали всегда (а не с какого-то определенного момента, которым было бы удобно датировать окончание

праславянского периода и появление этих диалектов...), просто с течением времени древние диалекты перегруппировались в исторические славянские языки. Остается чисто условно (и не очень настойчиво) придерживаться хронологической близости праславянского и дописьменного.

4. Наши знания о праславянском словарном составе имеют вынужденно опосредственный характер, поскольку праславянский язык прямо не засвидетельствован. Подобные знания неизбежно подвержены постоянной корректировке и пересмотрам. Определенная умозрительность представлений выражалась еще и в том, что с относительно древней датировкой существования праславянского языка (полторы-две тысячи лет назад) условно связывали не только невысокий уровень культуры праславян, но и сравнительно небогатый словарный состав, с небольшим развитием отвлеченной лексики высокой культуры. Конечно, это ходячее представление априорно в своей сути и отдает определенной недооценкой, так что возможность серьезных научных поправок здесь велика. Вместе с тем весь основной спектр человеческих знаний (иначе говоря – слов-понятий) наличествовал, и это безусловно относится и к праславянскому наследию в древнерусской лексике, большую часть которой допустимо квалифицировать как праславянскую, имея в виду при этом продолжающееся функционирование, скажем, в дописьменном, дохристианском древнерусском (древневосточнославянском) в принципе все того же совокупного словаря, охватывающего все те же лексико-семантические группы: человек и все, что связано с человеком, его жизнью, родом, обществом; дом, жилье, простейший хозяйственный обиход, одежда, пища, питье; окружающий мир, природа, животные и растения (дикие и культурные); земледелие, скотоводство, ремесло; представления о времени, пространстве, количестве; религиозные представления. Этот обобщенный перечень, разумеется, лишь приблизительно очерчивает праславянский фонд русской и древнерусской лексики и при специальном рассмотрении подлежит дальнейшей детализации.

5. Праславянский лексический фонд русского языка не пребывал неизменным; он жил, “изменялся, оставаясь самим собой”, как и сам язык. Его продуктивность, выразительные потенции не исчерпаны и сейчас. Несмотря на постоянные контакты с другими языками и воздействие этих последних и стоящих за ними культур, фондовые понятия до сих пор нередко обозначаются лексемами еще праславянской древности. При этом среди них мы находим и такие русские термины высокоразвитой культуры, как *наука*, *завод*, *станок*, *самолёт*, *поезд*, *палуба*, *судно*, *корабль*. Все это праславянские слова. Ясно, что палуба современного лайнера не имеет ничего общего ни с лубом, ни с лубяной будкой; масштабы семантической эволюции этих слов замечательны. Какая-то аналогия при этом может быть проведена с тем обстоятельством, что специальные отрасли современной науки и техники нередко черпают свои термины из лексики народных говоров. Ограничусь примером слова *колт*, которым археологи обозначают ископаемые женские украшения-подвески. Ср. диалектное (север., печор., псков.) *к boltki*, *koltki* мн. ‘металлические серьги с подвесками (или удлиненной формы)’ (СРНГ 14,

195), производное от диалектного же *колтать* ‘болтать’. Случай показался мне интересным, потому что это одновременно и лексика праславянской древности.

6. Вспомогательная (разумеется, не единственная) методика определения, выявления праславянского лексического фонда в словарном составе древнерусского языка может быть следующей. Мы имеем возможность сейчас соположить существующие словари древнерусского языка и наш **Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд** (уже вышел 21 выпуск от А до Н, недостающая часть алфавита представлена в картотеках соответствующего академического отдела). Стремление историков языка рассматривать в качестве древнейшей ту часть древнерусской лексики, которая отражена в древнейших русских письменных текстах, по-человечески понятно, но такую точку зрения нельзя абсолютизировать, потому что это было бы в лучшем случае наивностью. Приходится многократно повторять, что факт письменной фиксации слова – это сплошь и рядом случайность. Первая фиксация и возникновение слова совпадают крайне редко, хотя в научной литературе часто исходят как раз из презумпции единства этих двух актов. Целесообразно поэтому говорить о праславянской основе русского словарного состава в целом.

7. Воззрения на праславянский язык и его словарный состав постепенно меняются. До недавнего времени господствовало мнение, что к праязыку возводимо только то, что засвидетельствовано во всех или нескольких родственных языках. Собственно, этим и объясняется предпочтение предыдущих поколений ученых, отдававшееся термину общеславянский, ныне устаревшему. Исподволь накапливались наблюдения и доводы в пользу того, что праславянский язык вообще не мог существовать как бездиалектный, если понимать его как реально существовавший живой язык. Так возникла идея праславянского лексического диалектизма, к которой причастен и автор этих строк. Это была нужная идея, сразу либерализовавшая и научную мысль, и активизировавшая значительный фактический материал, который, как в таких случаях бывает, уже имелся в немалом количестве, но как бы лежал под спудом. Ведь фактически действовал своеобразный запрет на то, чтобы считать праславянизмом очевидно древнее образование, если оно известно только из одного языка или (боже, упаси) только из части диалектов этого одного-единственного языка. Сохранилось воздействие теории родословного развития. Все это искусственно упрощало наши теоретические представления о неизмеримо более сложной языковой действительности. Признание изначальной полидиалектности в рамках любого языкового (в том числе – праязыкового) единства многое поставило на свои места. В этой ситуации естественно прозвучало и положение об автономности праязыковых состояний лексики каждого славянского языка в отдельности и о праславянском лексическом диалектизме. Сказанное прямо относится к вопросу о праславянском лексическом наследии в (древне)русском словарном составе. Потребовались дополнительные критерии, необходимость регулярного привлечения данных сравнительного языкоznания, этимологии, поскольку праславянский лексический диалектизм

(локализм, регионализм) ограниченного распространения, не будучи подтверждены данными других славянских языков, обнаруживал нередко подтверждения (этимологические соответствия), а иногда – полные лексические тождества в других родственных индоевропейских языках. Это направление сулило не только этимологические находки, но (что, пожалуй, не менее важно) новые подходы к интересующей нас здесь проблеме: **состав праславянского словаря¹** и внутри этой общей проблемы – более специальная, о **праславянских диалектизмах русского словаря**. Тогда, тридцать лет назад, я сделал первую предварительную выборку этимологических случаев этого рода на основе словаря Фасмера. В этот перечень из нескольких десятков лексем, не претендующий, как это сейчас очевидно, на исчерпанность и полноту, вошли слова: *бúга* ‘низкий берег реки’, *бугóр*, *вазнь* (др.-рус.) ‘счастье, удача’, *вéблица* ‘чёрвь’, *верту* (др.-рус.) ‘рву, граблю’, *волмина* (др.-рус.), название дерева, *ворóбы*, *вóроб* ‘мотовило’, *глúда* ‘глыба, ком’, *глудкий* ‘гладкий, скользкий’, *дук* ‘ямка’, *ёмины* ‘запас хлеба’, *ёриш*, *жень* ‘бортнические ремни’, *зуд*, *клёк* ‘лягушачья икра’, *клыпáть* ‘хромать’, *кóмель*, *лъкъ* (рус.-цслав.) ‘остаток’, *лепестóк*, *лигозить* ‘путать нити при тканье’, *мизгíрь* ‘паук’, *мышелъ* (др.-рус.) ‘стяжение’, *овýн*, *плень* ‘гниль’, *пóлба*, *приóт*, *юти́ть*, *уют*, *ружь*, *ружа* ‘наружность’, *свигáть* ‘гоняться, спешить, бегать’, *угрю́мый*, *ўдить* ‘зреть, наливаться (о зерне)’, *услó* ‘начатая ткань’, *ушь* (др.-рус.) ‘чертополох’, *шест*, *шúстрый*; *щёлок*, *ягльй*. Как видно, здесь представлены слова общеноародного русского языка, древнерусские слова и слова диалектные, для краткости никак не выделенные. Семантический спектр приведенных слов весьма разнообразен. Остается сказать, что неменьший перечень в упомянутом докладе дан по праславянским диалектизмам белорусской лексики, а это имеет прямое отношение к праславянскому фонду лексики древнерусского языка, общего предка русского, белорусского, украинского языков. Совершенно очевидно, что, поставив вопрос о праславянских диалектизмах украинского языка, мы тоже, как говорится, вернулись бы не с пустой сетью. В украинском словарном составе, в старых текстах и народных говорах, тоже немало праславянских древностей, взять хотя бы такую крупную находку того же времени, как древне-юго-западнорусское (общее для староукраинского и старобелорусского) *зеремѧ* ‘бобровая колония’, при всей своей изолированности в славянском, уверенно реконструируемое как праслав. *диал.* *zerdmēl-mene (корень тот же, что в *зарóб-зорóд*) и даже – как и.-е. *gherdh-men-. Важность этой лексической изоглоссы повышается тем обстоятельством, что собственно великорусскому слово *зеремѧ* неизвестно. Не будто иметь в виду положение, что “восточнославянский ареал в большей своей части – типичная зона экспансии; следовательно, априори здесь надо предполагать в первую очередь сохранение [периферийных] архаизмов”². Интересный праславянский диалектный случай, объединяющий все восточнославянские языки, представляет собой рус. *коромы́сло* (диал. *коромы́сёл*),

укр. *коромисел*, блр. *каромысел* – слово, неизвестное другим славянским языкам, но безусловно древнее, даже этимологически трудное. Не так давно обнаружили своеобразное соответствие, с другой степенью корневого гласного, в остатках языка балтийских славян – кашуб. *čarmēslē* ‘деревянные коромысла’, то есть на другой периферии славянства.

Разумеется, и сравнительно-лингвистический (этимологический) метод не всемогущ, и не всякий диалектизм, даже старый, обязательно восходит к праславянской древности. Все это необходимо иметь в виду, решая задачу реконструкции **праставянского состояния прарусской лексики**. Не могу не упомянуть здесь с теплым чувством о том поистине молодом энтузиазме, с которым откликнулся на идею автономности праславянского состояния лексики каждого славянского языка и идею праславянского лексического диалектизма Ф.П. Филин в последние уже годы своей жизни. Любовно изданная посмертная подборка его работ под названием “Историческая лексикология русского языка. Проспект”³ – хорошее тому свидетельство. Разумеется, это явилось лишь продолжением собственных давних интересов Ф.П. Филина к исторической диалектологии и древней диалектной лексике, которой в его капитальной книге “Происхождение русского, украинского и белорусского языков”⁴ отведена добрая сотня страниц.

8. Резервы самой богатой древней письменности исчерпаемы, в особенности, если интересы исследователя обращены в дописьменное время. Здесь вступают в силу косвенные резервы, в том числе письменность на других языках. Правда, возможности углубить историю древнерусской лексики таким путем довольно скучны, и случаи вроде глоссы *rex Boz*, которую можно прочесть как *rex* (лат. ‘король, царь’) =*vožъ/*vožъ (прастав. ‘вождь’) (Иордан, *Getica*, о владыке антов, упомянуто в связи с готско-славянской войной IV в.), встречаются редко. Гораздо более информативен другой резерв реконструкции древнего состояния лексики – ономастика всякого рода (топонимия, гидронимия, антропонимия, этнонимия). Замечено, что восточнославянская топонимия и гидронимия славянского происхождения обнаруживает репертуар лексических основ, подчас отсутствующих в известной восточнославянской апеллативной лексике⁵. Это наводит на мысль, что первоначально эти лексические основы имелись и в древнерусском нарицательном лексическом составе, но потом выбыли из него и сохранились лишь на такой периферии словаря, каковой является; ономастика.

Метод реконструкции утерянных на апеллативном уровне слов, ориентирующийся на выявление их следов в топо- и гидронимии, систематически применяется в языкоznании других славянских стран. Так, например, праставянское слово *sosna отсутствует в словарном составе южнославянских языков⁶. Однако это слово обнаруживается на южнославянском ономастическом уровне – в македонской топонимии⁷. И таких случаев, когда в ономастике удается обнаружить все еще живые остатки лексем праставянского и старославянского (древнеболгарского), там немало. Аналогичную ситуацию мы встречаем и в восточнославянском. Наибольший интерес представляют случаи вроде нижеследующего.

Исследователи обратили внимание на топоним *Плота* в Воронежском крае, одновременно указав, что соответствующий апеллатив в местных говорах русского языка не отмечается, хотя в словаре Даля зафиксировано *плота* в значении ‘овраг’ с пометой “воронежское”⁸. В действительности местное и водное название *Плота* распространено несколько шире – также в орловских и тульских местах, ср. довольно многочисленные случаи в Верхнем Поочье: *Плота, Старицкая, Ржавая, Долгая, Сорочья, Черемоченская Плота*⁹. Сюда еще речные названия *Бутежская Плата, Лещинская Плота, Гнилая Плота*, в бассейне Сейма. Употребление в сочетании с различными определениями (см. выше) подтверждает существование о былом апеллативном статусе названия Плота; о том же одной из стороне, говорит речное название *Двеплота* (сочетание с родным) в Верхнем Поочье. Так что перед нами был не очень уверен, снабдив его, с одной стороны, ударением, а с другой стороны – знаком вопроса. Хотя ареал этого исчезнувшего слова несколько шире Воронежского края, все же очевидна его региональность. Относящееся явно сюда же речное название *Пополта*, тоже в Верхнем Поочье, позволяет поставить вопрос о реконструкции для нашего *плота праславянской формы *plъta и включении его в лексическое гнездо слова *плот* ‘средство передвижения по воде’, с дальнейшим родством с *плыть, плыву*, что в общем естественно для обозначения водного тока или русла. Таким образом, внимательное рассмотрение ономастического случая привело нас к выявлению потенциального праславянского диалектизма *plъta, без которого было бы неполным гнездо *plъtъ (плот), гнездо достаточно архаическое и разрушающееся (так, для мотивировки отнесения к нему слова *плоть*, *plъtъ требуется уже этимологический комментарий: ‘тело, кожа’ из первоначального ‘наплыv, наплыvшее,натек’).

9. Проблема **разрушения лексических гнезд** чрезвычайно интересна для исторической лексикологии, но прежде чем уделить внимание различным ее случаям, я бы хотел кратко указать на интереснейший район, куда нас привел случай *Плота*: Окско-Донская равнина, средний Восток Древней Руси, неизменно притягивавший шахматовскую интуицию. Оставаясь в рамках проблематики исторической лексикологии, нужно сказать, что именно на Верхнем Дону (отчасти – на Северском Донце) наблюдается некоторое скопление определенно древнерусских, славянских гидронимов древнего вида, но без опоры в существующей апеллативной лексике: *Снова* (также в Посемье), *Калитва, Идолга, Щигор, Иловай, Московая Ряса, Излегоща, Разлатая* (балка), *Толотый, Стубло* (последние два – по Северскому Донцу)¹⁰. Украинско-русская чересполосица здесь для нас неактуальна; речь идет об образованиях общей древности, хотя и выразительно региональных.

Таким образом, в большую программу русской исторической лексикологии, в разделе о праславянском наследии, должны войти также этимологически выверенные сведения о **фондовой ономастике** (топонимии, гидронимии, антропонимии, этнонимии). Можно спорить об объеме поня-

тия фондовая ономастика, хотя в целом оно представляется интуитивно достаточно ясным. Речь может идти об архаичном, непродуктивном слое образований. Как уже было показано, ономастика здесь важна не сама по себе, а как резерв для выполнения основной задачи. Разрушающиеся лексические гнезда оказываются подчас на стыке апеллативной лексики и ономастики. К упомянутой выше фоновой ономастике принадлежат, например, названия *Москва*, *Тула*, являющиеся исконно славянскими (другие этимологические версии для *Москвы* вызывают у меня сейчас сомнение) и вместе с тем – региональными, вялическими включениями в восточнославянский ономастический ландшафт. Случайный факт довольно поздней хронологии письменной фиксации названий *Тула*, *тульские украины* не мешает нам принципиально увязывать это название с приходом вяличей (исход I тыс. н.э.) и с древним лексическим гнездом *тул* ‘футляр для лука’, *тыл* ‘задняя (мясистая) часть’. Гнездо это чрезвычайно разветвлено семантически, самобытно в плане словообразования, фонетики, морфологии. С названием южновеликорусской Тулы связывают – более или менее корректно исторически и этимологически – первоначальную идею прибежища, укрытия (‘место, где можно притупиться’). Можно спрятаться у Фасмера, на слово *Тула*. Безответственные публичные рассуждения историка Л.Н. Гумилева о том, что название города Тулы – от имени татарской ханши Тайдулы (так!)¹¹, с наукой ничего общего не имеют, к сожалению. Далее, сюда же, помимо *тулить* ‘укрывать, помещая, втискивая куда-либо’, принадлежат *туловище*, др.-рус. *тулово*, но также и *тулун/б*, *тулья* (головного убора), старое префиксальное сложение *стулый*. Основная идея заполнения емкости, разрастания плоти представлена в глаголе *тыти*, при всей самостоятельности семантики и огласовки бегло перечисленных нами образований на *-л-*, достаточно хорошо известных разным славянским языкам и не перестающих удивлять своим словообразованием, ср. сюда др.-рус. *тылъснь*, *тыльснь* – о тупом конце оружия*. Но проблем, связанных с этим гнездом, гораздо больше. Здесь довольно много – тоже древней – лексики, произведенной иными способами от того же корня, ср. *тук* (с суф. *-к-*), откуда *тучный*, далее – *отава*, с древним словообразовательным удлинением корневого гласного. Наше замечательное корневое гнездо, оказывается, содержит также бессуффиксные производные весьма архаического вида и выразительно региональные, как, например, *това* в смоленском тексте конца XVII в.: четыре лыка сухие рыбы *това*¹². Назову еще два важных этимологически затемненных случая, также принадлежащих к рассматриваемому гнезду (оба они включены в дополнения ко 2-му изданию словаря Фасмера, т. IV): *тволага*, рус.-цслав. ‘телка’, прежде признававшееся темным, теперь достаточно вероятно объясняется (**tv-ol-*) как этимологически родственное *тул*, *тыл*, *тыти* (‘тучное животное’); предложенная этимология

* Ср. также *тылье*: изрежь толщиною в кожевое *тыгъе* (Артикул поварнич., нач. XVIII в., рукп. ГПБ. – Пример сообщила мне Л.Ю. Астахина).

перспективна, поскольку может быть распространена и на широко известное, но необъясненное этимологически слово *тюлень*, первоначально, видимо, *твелень (ср. форму редкой русской фамилии *Твеленев*). Нельзя не согласиться с тем, что *тюлень* тоже ‘толстяк’! Заметим, что этимологический комментарий позволяет констатировать в словах *тволага*, *тюлень* лексические диалектизмы праславянского образования (иную точку зрения представляет И.Г. Добродомов, который, вслед за О. Прицаком, видит в *тволага* тюркизм, что осложняется, однако, гипотетичностью некоторых тюркских промежуточных звеньев, а также наличием апофонии *тволага*: *твелень на славянской почве). Ну, и последний небольшой, но явно поучительный пример, один из тех, мимо которых легко пройти не заметив, тогда как он имеет прямое отношение к реконструкции утерянных лексем, явно расположился на стыке ономастики и апеллативного лексикона и прежде всего – относится к тому же замечательному гнезду с корнем *тул-*. Среди гидронимии Окско-Донской равнины мое внимание привлекло название *Волчья Тулава* (материал диссертации Панина, см. выше). Зная польский глагол *tulać się* ‘бродить, бродяжничать, ходить без пристанища’, нетрудно заметить, что *Тулава* имеет вид отглагольного производного, но такого глагола *тулать в русском нет. Можно высказать осторожное суждение, что либо глагол этот первоначально существовал в языке восточных славян, либо (как и ряд других элементов, включая местное название *Тула*) он был занесен на Окско-Донскую равнину давними ляшскими предками вятичей.

Выпадение слова из словарного состава складывается порой причудливо; легче его констатировать, нежели объяснить. И если бы не недвусмысленные показания ономастики, мы бы потеряли все следы слова, хотя речь иногда идет о слове как будто заметном и конкретном, стоящем в четком словообразовательном ряду, как, например, *обиток (ср. известное *обиход*), восстановливаемое нами на базе местного названия *Обиточная коса*, на северном берегу Азовского моря, сюда же речка *Обыточка* на Среднеднепровском Левобережье (см. соответствующее дополнение в русских изданиях словаря Фасмера).

10. Таким образом, как и в нашей убыточной экономике, главная проблема, объемлющая все, пожалуй, остальные, – это наши потери и как им противостоять. При этом масштабы этих потерь могут незаметно перерастать рамки узкопрофессиональных интересов и оборачиваться нашими общекультурными потерями. Это бывает, когда средства массовой информации, в сущности поощряемые поверхностью наших филологических суждений, занимаются дальнейшим тиражированием наших ошибок, нашего не очень точного словообразовательно-семантического истолкования слова. Таков случай, постигший нас с хорошим древнерусским и праславянским словом *изгои*. Известно, с каким значением в первую очередь слово *изгои* ассоциируют современный журналист, политик, вообще – “масса” грамотных людей. Уверен, что все они, в согласии с современной лексикографией русского языка, назовут значение ‘отверженный, отщепенец’. Сказался, безусловно, авторитет

Даля, см. 2-е изд., т. II, 19: *изгой* м. стар. ‘изверженец? исключенный из счету неграмотный попович; князь без княженья, владенья; проторговавшийся гость (банкрут), не платящий подателей’. В сущности, Далю нельзя отказать в корректности, свое толкование ‘изверженец’ он дает под вопросом, как увидим, оправданно. Срезневский в своих “Материалах” слишком краток. СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 6, 138) достаточно осторожен, но в целом созвучен с Далем, акцентируя значение отрыва от своего сословия. Я уже писал о том, что при описании значения (а заодно и при семантико-этимологической реконструкции) слова *изгой* целесообразно пойти по пути более внимательного учета семантики непосредственно мотивирующих глаголов – др.-рус. *изжити* ‘потратить, израсходовать на существование’, рус.-цслав. *иждивитися* ‘израсходоваться’. Похоже, что изгойство означало определенное обеспечение, иждивение. Ведь и далевское толкование информативно в указанном смысле, на что мало обращали внимания: “не платящий податей” заключает в себе момент иждивения, как бы льготу, а не отвержение прежде всего. Конечно, нельзя не видеть того, что *изгой* – слово книжное, не народное, хотя и построенное по древней модели, с -о-вокализмом корня. До конца трудно исключать влияние образца греческих ἐκ-τρέφω ‘выкармливать’, ἐκ-τεφράζενος ‘вскормленный’¹³.

11. Извечная проблема соотношения письменной истории слова и его полной истории, вопрос о том, какая часть этой полной истории осталась (состоялась) за пределами собственно письменного отрезка, позволяет и понятие “дописьменности” применять более гибко, индивидуально и притом иногда – к словам поздних периодов. Так, слово *Домострои* засвидетельствовано только в качестве названия известной книги, кодекса домашнего хозяйства и права. Есть основания предполагать фигулярное употребление первоначального нарицательного имени деятеля *домострои (не засвидетельствовано), слишком напоминающего кальку с греч. οἰκούμενος ‘домохозяин’ и функционально отличного от известного *домостроитель*. Ср. аналогичную судьбу – от имени деятеля (апеллатив) к названию книги: *Назиратель*. Конечно, здесь речь совсем уже не идет о праславянских образованиях, но навыки, приобретенные при анализе последних, могут принести пользу и в случаях с более поздними новообразованиями.

12. Размышляя над контрастивным (сопоставительным) определением задач исторической лексикологии, конкретно – над сравнением исторической лексикологии и, скажем, истории культуры по данным языка, сразу видишь подтверждение тому, что историческую лексикологию отличает принципиальная установка на возможно более полную инвентаризацию лексического состава в его развитии и функционально-семантической классификации. В то время как история культуры нацелена на раскрытие духа культуры и – при более выборочной установке в отношении лексического состава – на выявление ключевых слов¹⁴.

Полная инвентаризация словарного состава в обозначенных параметрах – это программа-максимум, но, спрашивается, какую другую достойную задачу должна выдвигать академическая русская историческая

лексикология. Тем более что до сих пор такая задача не только не решалась, но и не ставилась – ни книга Черных, ни книга Кипарского, ни какая-либо другая не преследовали эту цель в полном объеме. Книга П.Я. Черных “Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период” (МГУ, 1956) была представлена самим автором как первый опыт русской исторической лексикологии, по заключению рецензентов, добавим, – малоудачный опыт. “Очерк” Черных целиком принадлежит своему времени с его комплексами: боязнь заимствований, отсюда (а также по другим причинам) – много ошибочных этимологий, явно недостаточный учет мировой славистической литературы. Автору свойственны ошибочные прямолинейные суждения, в духе тех, которые мы уже разбирали выше, скажем, форма *вѣтва (при производном *ветка*) не существовала, потому что не засвидетельствована в письменности (носр. укр. *вітва*, говорящее о реальности прарусского *вѣтва!). Коротко говоря, это не был мировой уровень и для своих, 50-х, годов нашего века¹⁵. В остальном следует отметить в книге большой раздел “Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху”, после чего словарный состав рассматривается по главным семантическим группам (человек, люди, терминология родства, животный мир, природа, труд, материальная и духовная культура), сообщаются определенные сведения об отличиях восточнославянской лексики от лексики остальных славянских языков и о лексических отличиях древнерусских диалектов.

К сожалению, слишком схематичным и потому неудовлетворительным справочником оказалась и гораздо более близкая к нашему времени книга Кипарского, если говорить, так сказать, об основных вехах¹⁶. “Развитие словарного состава” – так называл Кипарский свою историческую лексикологию – занимает объемистый том III его “Русской исторической грамматики”. Главную свою задачу автор, судя по всему, усматривал в охвате материала, что привело к чрезмерной, “алфавитной” (как, помнится, заметил по этому поводу Ф.П. Филин) манере изложения, обеспечивающей обозримость, но почти без аппарата. Материал распадается на главные рубрики: Исконные слова. Заимствованные слова. Новообразования на русской почве. Суффиксальные образования. Префиксальные образования.. Сложения. Раздел исконных слов начинается с “русских слов индоевропейского происхождения (возраст – около 3500 лет)”, далее идут “русские слова балто-славянского происхождения (возраст – минимум 2500 лет)”, “русские слова праславянского (общеславянского) происхождения”, и читателю как бы предлагается однозначно поверить и в существование балто-славянского единства и в эти абсолютные даты, абсолютность которых не очень правдоподобна. Внутри каждого такого подраздела членение однотипно: Тело человека. Родство и половая жизнь. Явления природы. Животный мир. Растительный мир. Виды деятельности. Свойства и отвлеченные обозначения. Материальная культура. Техника. Облегченность до школьного уровня объясняется не только стремлением охватить всю историю русской лексики до современности, но и – главное – адресованностью этого вузовского учебника нерусскому читателю. Автор не без гордости

включил также непристойную лексику, которая, как он специально отмечает, не была допущена даже в русском издании “Этимологического словаря русского языка” М. Фасмера, а сейчас, как мы знаем, прорывается и в беллетристику, и на сцену, и в кинематографию. Табу в отношении этих русских слов у нас все же кое-где еще соблюдается, поэтому, например, наш Этимологический словарь славянских языков дает эту русскую лексику латиницей, дабы не оскорблять нравы, но и не поступиться академической полнотой (речь идет о древних образованиях языка).

Если верить Кипарскому, индоевропейских слов в русском – 454, “балто-славянских” – 300, праславянских – 420 (здесь сообщается и возраст последних – “минимум 1500 лет”), но поскольку индоевропейские слова одновременно – праславянские (*сидеть, рыть*) все цифры сомнительны. Несколько обстоятельнее в книге трактуются заимствованные слова (поздние заимствования, иностранные слова нашего столетия не учитываются). Суммарно рассматриваются германские, иранские, тюркские, старославянские, греческие, финноугорские, балтийские элементы, а также польские и некоторые другие, более поздние. Краткость изложения усилила неизбежный субъективизм и односторонность суждений, при всем том, что автор был выдающийся лексиколог с огромной эрудицией, знанием языков и литературы. Безжалостного устарения не избежала также и эта, в целом полезная работа, получившая много откликов (среди них – трудолюбивая рецензия нашего покойного Г.Ф. Одинцова¹⁷). Интересно, что половина книги Кипарского посвящена словообразованию, причем автор насчитывает более двухсот русских суффиксов (среди них, правда, немало дублетов или незначительных вариантов вроде *-анин, -янин, -чанин* или таких суффиксов, которые, собственно, нельзя считать, особенно с позиций исторического словообразования, ни славянскими, ни русскими: *-абельный-, -изация*), а также семьдесят (!) префиксов (цифра тоже неумеренно завышенная, если учесть, что в “русские” префиксы у Кипарского попадают даже компоненты молодых сложений *прод-, пром-*).

Главное наблюдение, которое мы вправе сделать, – это то, что Кипарский представляет себе как бы одномерное – вертикальное “развитие русского словарного состава” от индоевропейской основы и до заимствований нового времени (верхним пределом ему чисто условно служит 1900-й год). Иной стратиграфией автор в сущности не занимается: вклад диалектов бегло признается, но в поле зрения автора находится практически исключительно лексика письменного, литературного языка. В наших глазах это концептуальный недостаток, и в предыдущем изложении мы уже наметили иной подход, опирающийся на постулат изначальной диалектной сложности, праславянские лексические диалектизмы, а также положение об ограниченности письменных свидетельств и пути по преодолению, восполнению этой ограниченности. Вертикальную стратиграфию словарного состава надо, в сущности, дополнять горизонтальной стратиграфией, подразумевая под ней постоянную установку на изучение древнедиалектных компонентов. Подход это новый, поэтому опереться на precedents да еще в масштабе,

сравнимом с исторической лексикологией русского языка, затруднительно по той причине, что полных аналогов нет. Есть, правда, аналогичные новые разработки в области ранней восточнославянской топонимии¹⁸.

Этот путь малоожженый не для нас одних. В сравнимых очерках исторической лексикологии других языков мы находим в основном все ту же вертикальную стратиграфию. Это можно видеть и по работе такого опытного этимолога и лексиколога, как О. Семереньи. Работа, которую я имею в виду: O. Szemerényi. *An den Quellen des lateinischen Wortschatzes*. Innsbruck, 1989. Несколько выборочный метод изложения (авторские новые находки, а не фронтальное исследование латинской исторической лексикологии), тем не менее, обнаруживает привычную схему: древние унаследованные элементы и древние заимствования (из греческого, кельтского, семитского). У Семереньи ход мыслей заведомо ограничен латинским письменным материалом, тогда как именно специфика раннелатинского языкового развития принципиально означает поглощение практически всех других древнеитальских диалектов, с переходом (включением) части лексики последних в латинский словарный состав. Иными словами, горизонтальная стратиграфия для латинской исторической лексикологии особенно актуальна, и в то же время она недооценивается, как и в других известных случаях.

13. Собственно говоря, объективный материал постепенно накапливается; я имею в виду выявление древних диалектизмов лексики. Другого пути просто нет. Хранилищами такой недостаточно пока исследованной лексики по различным соображениям могут оказаться в первую очередь не центральные по своему расположению произведения письменности, лексика которых претерпевала определенный отбор, а как бы периферийные продукты этой письменности. Общий закон преимущественного оседания архаизмов на периферии проявляется и здесь. Такой периферийной сферой оказывается письменность на бересте, в первую очередь новгородские берестяные грамоты (о других периферийных ресурсах, уже полностью за рамками письменности, мы с некоторой подробностью выше говорили на примере русской ономастики). В целом ряде новгородских берестяных грамот чтение выделило особый диалектный деловой термин древнего происхождения – *намъ* ‘проценты, лихва’, отсюда прилагательное *намъныи*, с индоевропейскими связями корня¹⁹.

Конечно, сложность берестяных текстов способна сыграть злую шутку и с опытнейшими исследователями, следствием чего могут оказаться неверное членение на слова, ошибочное чтение и ложные объекты лексикологии и лексикографии – слова и имена людей, которых, скорее всего, не было на свете. Для поучительности – один такой отрицательный пример. Речь идет о новгородской грамоте № 481, относимой к XIII в.:

поклонъ. ѿловцакошта. Филипослиграмотушжекуны. насть. инаимиту. арожекаковъ. зъидубодастьловъта. ковъ. змуть. Опуская здесь первую, относительно однозначно читаемую часть текста, задержимся на второй, которую издатели членят и читают: “А роже, каковъ Зеиду бо(гъ) дастъ ловъ, тако възмуть” – “а что касается ржи, то ее возвращение зависит от

того, какой бог даст Зеиду улов”²⁰. Чтение нельзя назвать удачным, поэтому в свое время было предложено другое, кажется, более натуральное и в смысле конструкции, и в плане реалий: … а роже (им. мн.) како възъиду(ть) бо(гъ) дасть ловъ тако възмуть ‘а рожь как взойдет, бог даст лов, так возьмут’. – Календарный смысл ссылки на время появления всходов ржи, четкий гипотаксис (*како..., тако*) – все здесь ясно, ничего лишнего. В число лишних домыслов попадает и “непашенный ловец Зеид” вместе со своим мусульманского вида именем, не подтверждаемым источниками ²¹. В отличие от века нынешнего, когда и на Новгородской земле можно встретить всякого рода “ловцов”, включая мусульман, в XIII в. это было там маловероятно.

14. Из предшествующего изложения в целом видно, как различаются в вопросе сохранения архаизмов и древних (prasлавянских) диалектизмов центр и периферия, причем именно последняя нередко оказывается резервом сохранения названных элементов словаря. Однако оппозиция центр – периферия не только и не столько пространственная (нагляднее всего эти отношения, действительно, наблюдаются в лингвистической географии, откуда и взято данное понятие), сколько общязыковая. Это означает, естественно, что под понятие периферии подпадают различные непrestижные, низовые формы языка и речи, в их числе лексические, а также такие, которые, по ходячему представлению, не имеют достаточно шансов на собственную историю, преимущественно ассоциируются с поздней производностью, с лексикой современного быта. Два разных примера подобных недооцениваемых периферийных элементов я хотел бы кратко рассмотреть.

Стоит назвать первое из этих двух слов – *кирять* ‘пьянствовать’, то есть ‘пить систематически’, ясно, что нормальной ответной реакцией будет недоверчивая улыбка: нашли, мол, праславянский элемент. Репутация у этого слова плохая, достаточно справиться в СРНГ 13, 225: *кирять* ‘пьянствовать’ (пенз., с пометой собирателя “из воровского арго”). Лексика воровского арго считается в основном сформировавшейся из новогреческих, финских, цыганских слов, древние исконнославянские элементы для нее не характерны. Но это суждение слишком огульно, поэтому в ЭССЯ 13, 268 отнеслись к этому слову-парии внимательно, не пошли на поводу у ходячего предубеждения, и основания для этого у нас были, ср. блр. *kérič* ‘кутить, пить’ и польск. *kirzyć* ‘пить; мочиться’. Я позволю себе процитировать и далее оттуда: “Ссылки на бытование в арго, при всей их возможной справедливости, приобретают дезориентирующий характер в том, что касается этимологии, заставляя искать источник... в новых заимствованиях... У Фасмера пропущено. Между тем, одного указания на соответствие рус. -*p*- мягкого и польского -*rz*- <*r*> достаточно, чтобы поставить вопрос о довольно старых отношениях, возможно, исконнородственных, праславянских. По нашему мнению, представляет собой продление первоначально нулевого вокализма..., связанного чередованием с *kuriti ‘курить, дымить’. Последнее значение вполне подходило для экспрессивного называния действия ‘пить, пьянствовать’. В арго попало (спустилось) вторично”.

Другой пример – слово *орудовать*, слово современного обиходного языка, внешне прозрачное и потому, казалось бы, малоинтересное. Интерес к его истории гасится убеждением, что это – отыменный глагол от современного же существительного *орудие*. Внешне все правильно: *figura etymologica орудовать орудием*, в смысле ‘манипулировать инструментом’. Однако нужно и тут приглядеться внимательно. Глагол *орудовать* ведет себя все-таки не совсем так, как подобает прямому производному от *орудие*. Налицо формальные отличия, а потом этот не очень уловимый отвлеченно-иронический оттенок глагола *орудовать*: ‘обделывать свои делишки’. Кстати, словари его передают плохо: ‘производить действие, выполнять работу при помощи орудия, предмета; распоряжаться, управлять; проявлять деятельность, действовать’ (4-томный словарь русского языка). Похоже, тот, кто составлял эту статью, проникся уверенностью, что основной является производность от *орудие* ‘инструмент’, ср. и порядок значений. Правда, у Даля, который даже поместил, следуя своим принципам, глагол *орудовать* внутрь статьи *орудие*, подозрительно возрастает, сравнительно с современным словарем, едва проглядывающая в последнем отвлеченность глагольного значения: “делать что, управлять чем, действовать; начальствовать”. Дальше делается понятно, что Даль ориентировался на язык древней книжности. Ср. *орудовати* ‘действовать’ (Срезневский II, 708), ‘обратиться по делу’ (СлРЯ XI–XVII вв. 13, 71, в обоих словарях один и тот же пример XIV в.). Здесь, как видим, нет и тени значения ‘действовать орудием, инструментом’. Впрочем, нельзя не обратить внимания на то, что древнейшим и первым, по сути, значением также слова *орудие* в наших памятниках оказывается ‘дело’, далее, следом – ‘судебное дело’ и только более позднее – ‘орудие, инструмент’; наличие среди последних отвлеченных словоупотреблений типа *орудие дьяволе* тоже несколько усложняет картину. Эту картину окончательно усложняют (а может быть, вносят в нее ясность?) инославянские данные, особенно – такие красноречивые, как польские, где имя, этимологически тождественное нашему *орудие*, – *orędzie* имеет только отвлеченные значения – ‘обращение, весть, поручение’ и, что важно, имеется также этимологическое соответствие нашему *орудовать* – *orędownie* ‘действовать, обращаться в чью-либо пользу, ходатайствовать, посредничать’. Это подкрепляется и в общем известным этимологическим родством слов *орудие* и *ряд*, последнее также – ‘договор’ (Фасмер III, 154). Несомненно праславянская древность слова *орудие*, при этом любопытно, что и у тех славян, у кого праслав. *orqdъje (или *obrqdъje) получило значение ‘орудие, инструмент’, оно раньше имело значение более общее ‘дело’ (Врукнер 381). Для нас же сейчас не менее важна закономерная констатация, что и в слове *орудовать* представлено праславянское образование, история которого насчитывает не одну тысячу лет.

15. Говоря об истории слова, мы не раз уже имели случай убедиться, что полную историю слова и его значений дописывает этимология. Нам чуждо желание сколько-нибудь умалить важность письменной истории слова, но, что касается фондовой лексики, которая нас интересует здесь в

первую очередь, то есть лексики древнейшей, сплошь и рядом ее семантическая история оказывается в основном состоявшейся в дописьменный период, а на письменный период приходится в таком случае период относительного покоя²². В самом деле, трудно отрицать у письменности ее роль стабилизирующую, т.е. импульс если не остановки семантического развития, то некоторого замедления его все же от письменности, от кодификации человеческих знаний исходит. Если мы усвоим это понятие универсальности и преемственности развития, мысль о том, что в истории языка преобладали не абсолютные утраты, а переосмыслиения, не покажется нам такой уж неестественной. Во всяком случае поиски якобы утраченного явно обещают быть в отдельных случаях плодотворными; “утраченное” языком обретается при этом под иной личиной в языке же. Так, точку зрения об отсутствии в славянском родственного соответствия латинскому *creō*, -*āre* ‘создавать, творить’, *crēscō* ‘расти’ возможно существенно оговорить со ссылкой на поведение глагола **kresati*, особенно в древнем словосочетании **kresati ognь*, которое следует, по-видимому, толковать (читать) не ‘выбивать, высекать огонь, искру’, а ‘создавать, делать огонь’. Это предположение подкрепляется изучением всего славянского лексического гнезда, ср. **krēsъ*, обозначение летнего солнцеворота как ‘возрождения’, откуда производное **krēsiti* ‘оживлять’, вновь создавать, воскрешать’. С именем **krēsъ* связано древним чередованием имя **krasa*, не вообще ‘красота, красивость’, а ‘цвет жизни’ прежде всего, т.е. применительно к человеку, который был мерой всех вещей всегда, – это ‘здоровый цвет лица, румянец’, с переносом (по-видимому, весьма древним) – ‘цветение растений’ (так в украинских и белорусских диалектах)²³. При этом имеет смысл вернуться к вечному вопросу об истории значения русского прилагательного *красный* из первоначального ‘красивый’ (это одновременно относится и к старому названию *Красная площадь*, в Москве). Свои рассуждения выше о слове *краса* мы считаем необходимым распространить и на его производное *красный*, древним значением которого было не просто (абстрактно) ‘красивый’, а ‘наделенный румянцем’. Специфика случая русского прилагательного *красный* – в его древнем синкетизме значения, в том, что оно не только семантическая инновация (в других славянских языках продолжения праславянского **krasъnъ* имеют только значение ‘красивый, прекрасный’), сколько архаизм (‘красный’ в изначальном смысле ‘цвета жизни, румяний, краснощекий’).

Нелишне повторить, что возможно точная запись значения и употреблений слова – главная точка опоры для необходимых дальнейших экскурсов в предписьменное состояние. Избыточное лексикографическое описание, когда факту наличия в действительности надписи в одно слово на гнездовской корчаге X в. противостоят **четыре самостоятельных словарных позиций** в древнерусском словаре XI–XIV вв. (*гороуница* (?), *гороухица* (?), *гороушна* (?), *гороуща* (?), причем зафиксированы дефектные чтения, а наиболее вероятное – посессивное *гороуня* – отсутствует),

не могут вызвать одобрения, ибо нарушено элементарное правило: не следует умножать сущностей.

Максимальное использование свидетельств письменности не исключает надобности того, что можно назвать эмансинацией лингвистического исследования от рамок письменности. Рабская зависимость от этих рамок, боязнь за них выглянуть чревата ошибками, как и, в свою очередь, неучет письменных данных. Тут уместно напомнить неверные суждения старых исследователей (Черных 1956: не существовало, потому что не засвидетельствовано) да и у новых, молодых исследователей подобных ошибок предостаточно. Я вкратце упомяну свой спор с чешским исследователем В. Шауром, поучительный, думаю, еще и потому, что речь шла там о таком специфическом разделе лексической реконструкции, как **реконструкция глагольного слова**²⁴. Нельзя так безоговорочно отождествлять, как это делает молодой чешский коллега, относительную хронологию языковых форм и “хронологию засвидетельствованных форм”, ведь в последней всегда возможен элемент случайного. Скажем, из факта, что *избавити* зафиксировано раньше, чем **baviti*, нельзя делать вывод, что образования **baviti*, **traviti*, **otaviti* – сплошь вторично депрефигированные образования. Для этого надо – как минимум – в упор не видеть в них производных на *-iti* от имен **bava*, **trava*, **otava*. Функциональная вторичная взаимосвязь глаголов (например, каузативизация **traviti* в его отношении к **truti* и т.п.) не должна заслонять первичных словообразовательно-этимологических отношений. Узкий, предвзятый взгляд на вещи способен заслонить нам многое, тогда как широта взгляда, так необходимая для исторической лексикологии ввиду особого положения последней, делает восприимчивее к новому в общей теории языка, например к тезису Куриловича, который прозвучит здесь кстати – о том, что “отглагольный глагол всегда отыменен по происхождению”.

Резюмируя, напомню, что вначале мы обратили внимание на некоторую условность привычных антитет: историческое – описательное, лексикология – лексикография, историческая лексикология – этимология, историческая лексикология – историческое словообразование, литературное – диалектное, дописьменное – письменное. Сквозь эти частные антитеты необходимо видеть, что языкознание едино и объект у него один. Универсально актуальной признается адекватность описания значения. После небольших терминологических уточнений (prasлавянский – общеславянский) обсуждается характер наших знаний о праславянском и жизнь праславянского фонда в русском словаре вообще. Ввиду естественной неполноты наших знаний о праславянском уточняются методы выявления праславянского, такие научные понятия, как праславянский лексический диалектизм, и резервы реконструкции, в их числе – ономастика. Интердисциплинарная проблема разрушения лексических гнезд выводит нас на общую проблему потерь в лексике и семантике. Индивидуальный подход к слову позволяет говорить об индивидуальной “дописьменности” слова, в том числе позднего. Правомочно говорить об установке исторической лексикологии на полную инвентаризацию, однако при этом стратиграфия вертикальная

(собственно историческая) должна дополняться горизонтальной (разнодиалектной) стратиграфией. Концепция исторической лексикологии одного лишь литературного языка излишне стерильна и нежизненна. Неуклонное объективное накопление материала склоняет к более жизненной концепции в рамках всего языка. Эти более широкие рамки несут не усложнение, а более широкое видение, более адекватное применение положений общей теории языка, включая такое важное, как языковой центр и языковая периферия (последняя – как резерв сохранения лексических архаизмов). Эмансиация от младограмматического взгляда на литературный язык как на искусственное построение, принятие альтернативного взгляда на органическое единство всех структур языка, в том числе – литературной, эмансиация от излишне негативного догмата письменной формы языка, продуктивное сращивание исторической лексикологии и этимологии – такими кратко видятся задачи.

**Список слов и форм,
упоминаемых или объясняемых в тексте
(русское особо не выделяется)**

* <i>bava</i> , праслав.	емины, диал.
* <i>baviti</i> , праслав.	ёри
<i>Воз</i> , вождь антов	
<i>буга</i> , диал.	женъ, диал.
<i>бугор</i>	завод
<i>вазнь</i> , др.-рус.	зарод/згород, диал.
<i>веблица</i> , диал.	*Зѣидъ (?), др.-рус.
<i>верту</i> , др.-рус.	зеремъ, др.-рус. диал.
* <i>вѣтса</i> , прарус.	зуд
<i>ветка</i>	<i>Идолга</i> , водное название
<i>віта</i> , укр.	иждивитися, рус.-цслав.
<i>волмина</i> , др.-рус.	избавити, ст.-слав., рус.-цслав., др.-рус.
<i>Волчья Тулава</i> , водное название	изгой
<i>воробы</i> , вороб, диал.	изжити, др.-рус.
<i>глуда</i> , диал.	<i>Излегоца</i> , водное название
<i>глудкий</i> , диал.	<i>Иловай</i> , водное название
<i>гороуня</i> , др.-рус.	<i>Калитва</i> , водное название
<i>гороунца</i> (?), др.-рус.	кирять, жарг., диал.
<i>гороухца</i> (?), др.-рус.	<i>kirzyć</i> ,польск.
<i>гороушна</i> (?), др.-рус.	клёк, диал.
<i>гороуща</i> (?), др.-рус.	клыпать, диал.
<i>Двеплота</i> , водное название	козуля
<i>Домострои</i> , др.-рус.	колт
<i>домостроитель</i> , др.-рус.	комель
<i>дук</i> , диал.	корабль
	коромысло, коромысел

<i>косуля</i>	<i>ружь</i> , <i>ружа</i> , диал.
* <i>kraſa</i> , праслав.	
<i>Красная площе́дь</i>	<i>самолёт</i>
<i>красный</i>	<i>свигать</i> , диал.
* <i>kraſyńъ</i> праслав.	<i>Снова</i> , водное название
<i>creo</i> , <i>-are</i> , лат.	* <i>sosna</i> , праслав.
* <i>kresati</i> , праслав.	<i>станок</i>
<i>crēscō</i> , лат.	<i>Стубло</i> , водное название
* <i>krēſiti</i> , праслав.	<i>судно</i>
* <i>krēſtъ</i> , праслав.	<i>сутульй</i>
<i>лѣкъ</i> , рус.-цслав.	<i>Тве́ленев</i> , фамилия
<i>лепесток</i>	<i>тволага</i> , рус.-цслав.
<i>лигозить</i> , диал.	<i>това</i> , др.-рус. диал.
 	<i>Толотый</i> , водное название
<i>мизгирь</i> , диал.	* <i>trava</i> , праслав.
<i>Москва</i>	* <i>travīi</i> , праслав.
<i>Московая Ри́са</i> , водное название	* <i>trutī</i> , праслав.
<i>мъшелъ</i> , рус.-цслав.	<i>тук</i> , <i>тучный</i>
 	<i>тул</i>
<i>Нази́ратель</i> , др.-рус.	<i>Тула</i>
<i>намъ</i> , др.-рус. диал.	<i>tulać się</i> , польск.
<i>наука</i>	<i>тулить</i>
 	<i>туловище</i>
* <i>обиток</i>	<i>тулово</i> , др.-рус.
<i>Оби́точная коса</i> , местное название	<i>тулуп/б</i>
<i>овин</i>	<i>тулья</i>
 	<i>тыл</i>
<i>orędować</i> , польск.	<i>тылеснь</i> , <i>тыльснь</i> , др.-рус.
<i>orędzie</i> , польск.	<i>тыти</i> , др.-рус., рус.-цслав.
* <i>orōdovati</i> , праслав.	<i>тиолень</i>
* <i>orōdъje</i> , праслав.	
<i>орудовать</i>	<i>урю́мый</i>
<i>орудие</i>	<i>уди́ть</i> , диал.
<i>отава</i>	<i>усло</i> , диал.
* <i>otavīi</i> , праслав.	<i>уши́</i> , др.-рус.
 	<i>čarmēslē</i> , кашуб.
<i>палуба</i>	
<i>пле́нь</i> , диал.	
<i>плот</i>	<i>шест</i>
<i>плота</i> , диал.	<i>шустрый</i>
<i>Плота</i> , <i>Плата</i> , водное название	
<i>плоть</i>	<i>щёлок</i>
<i>поезд</i>	<i>Щигор</i> , водное название
<i>полба</i>	
<i>Пополта</i> , водное название	<i>юти́ть(ся)</i>
<i>Разлатая</i> , водное название	<i>яглы́й</i> , диал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи // Славянское языкознание. В Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196.
- ²Трубачев О.Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 21.
- ³Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.
- ⁴Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
- ⁵Трубачев О.Н. Заметки по славянской ономастике // *Onomastica Jugoslavica* 9, 1982. С. 159 и сл.
- ⁶Корецкий F. Základní všešlovanská slovní zásoba. Praha, 1981. S. 337: "chybí v jsl."
- ⁷Стаматоски Т. Македонска ономастика. Скопје, 1990. С. 223.
- ⁸Дьякова В.И. Местные географические термины и их роль в топонимии Воронежского края // Воронежское краеведение: опыт и проблемы. Воронеж, 1990. С. 142.
- ⁹Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- ¹⁰Материал см.: Панин Н.И. Лексико-семантический и формантный анализ русских наименований текущих вод Окско-Донской равнины и прилегающих территорий. Канд. дисс. М., 1982; Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
- ¹¹Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем... // Наш современник 1991, № 1. С. 136.
- ¹²Цит. по кн.: Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974. С. 142.
- ¹³Трубачев О.Н. Праславянская лексикография // Этимология 1983. М., 1985. С. 15.
- ¹⁴См.: Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 301.
- ¹⁵Трубачев О.Н. [Рец. на:] Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., МГУ, 1956 // Кратк. сообщ. Ин-та славянов. АН СССР, 25. 1958. С. 89 и сл.
- ¹⁶Kiparsky V. Russische historische Grammatik.Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
- ¹⁷Одинцов Г.Ф. [Рец. на:] Kiparsky V. Russische historische Grammatik.Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975 // ВЯ 1977, № 1. С. 134–140.
- ¹⁸См. на укр. яз.: Трубачев О.М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство 1971, № 6. С. 3 и сл.: выделение в восточнославянской топонимии общеславянских, восточнославянских элементов, а также других славянских элементов, имеющих подтверждение только в южнославянском и только в западнославянском.
- ¹⁹Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. V. МГУ, 1984. С. 101 и сл.
- ²⁰Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. М., 1978. С. 74–76; чтение сохранено без поправок и в издании: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 277, см. там ЛИ Зѣидъ в Словоуказателе.
- ²¹См. Трубачев О.Н. Языкознание и история // Л.А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987. С. 120.
- ²²См. специально об этом: Трубачев О.Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23 и сл.

²³ Trubačev O.N. Aus slavischen Etymologien: *kresati, *krasa, *krěsъ // Festschrift für H. Bräuer zum 65. Geburtstag. Herausgeg von R. Olesch und H. Rothe. Köln; Wien, 1986. S. 641 и сл.

²⁴ См. подробнее: Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 221.

К.Т. Витчак*

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАСЛАВЯНСКОЙ РЕЛИГИИ. 1: НОВГОРОДСКОЕ РЪГЛЬ И ВЕДИЙСКОЕ RUDRA

Эта работа преследует цель аргументированной идентификации древнерусского божества Ръгль с ведийским Рудрай, богом дикой, необузданной и зловещей силы природы, в особенности – сокрушительной бури. Настоящее сближение носит характер исследовательской гипотезы, поскольку предлагаемая здесь идентификация влечет за собой несколько трудных моментов интерпретации. Во-первых, существование древнерусского божества остается под знаком вопроса; во-вторых, характер самого этого божества не подтверждается источниками; в-третьих, выведение данного теонима (др.-рус. *Ръгль*) из праслав. *Rъdлъ (= др.-инд. *Rudrāḥ*) нуждается в обосновании и обстоятельном комментарии; в-четвертых, соответствие, обнаруживаемое между др.-рус. *Ръгль* и др.-инд. *Rudrāḥ*, нуждается в изучении для ответа на вопрос, имеем ли мы дело с заимствованием или с общим наследием.

Ниже мы рассмотрим один за другим только что поставленные вопросы.

1. Название божества *Ръгль* и проблема наличия данного божества в древнерусском пантеоне

Анализ проблематики, связанной с восточнославянским божеством по имени *Ръгль*, весьма усложняется по причине скудости источников. Это имя фигурирует в памятниках древнерусской литературы только в трех случаях. О восточнославянском боге *Ръгль* дважды упоминает "Слово некоего христолюбца" (XII в.), сообщая в одном отрывке, что некоторые язычники верят "въ Перуна и въ Хъrsa, и въ Сима, и въ Ръгла", а в другом месте – о том, что некоторые "моляться подъ овиномъ огневи и вилам и Мокоши, Симу, Ръглу и Перуну, и Волосу скотью богу"¹. Теоним *Ръгль* появляется в искаженной форме в известии об упорядочении языческого пантеона Владимиром Святым (Повесть временных лет, XII в.). Источник гласит (под 980-м годом) следующее²:

И нача княжити Володимеръ въ Кыевъ единъ и постави кумиры на

* © Krzysztof Tomasz Witczak, 1992 г.